

Дженнифер Иган
Цитадель

Jennifer Egan
The Keep

Дженнифер Иган

Цитадель

роман

Перевод с английского
Натали Калошиной

издательство **астрель**

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)
И26

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Иган, Д.
И26 Цитадель : роман / ДЖЕННИФЕР ИГАН ; пер. с англ. Н. Калошиной. — М.: Астрель : CORPUS, 2011. — 384 с.

ISBN 978-5-271-34374-2 (ООО “Издательство Астрель”)

Популярность писательницы и журналистки Дженнифер Иган растет стремительно. Первый же ее роман “Невидимый цирк” имел большой читательский успех и лег в основу фильма, где главную роль сыграла Кэмерон Диаз. Вторым вошел в шорт-лист Национальной книжной премии США. Но настоящую славу принес Иган третий ее роман “Цитадель”. Книга стала национальным бестселлером. Кинокомпания *CBS Films* планирует ее экранизацию.

“Цитадель” — многослойная психологическая драма. Двоюродные братья Хоуи и Дэнни, дружившие в детстве, не виделись двадцать лет. За эти годы толстяк Хоуи, пользовавшийся среди сверстников репутацией чудака, стал привлекательным стройным блондином, разбогател и женился на очаровательной девушке. Он приобретает в Европе старинный замок, необычайно красивый, но сильно запущенный, и приглашает Дэнни заняться реставрацией. Ни тот ни другой не подозревают, какие сюрпризы готовят им средневековые башни и подземелья.

УДК 821.111(73)-31
ББК84 (7Coe)

ISBN 978-5-271-34374-2 (ООО “Издательство Астрель”)

© 2006 by Jennifer Egan
© Н. Калошина, перевод на русский язык, 2011
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2011
© ООО “Издательство Астрель”, 2011
Издательство CORPUS ®

Цитадель

Глава первая

Замок был полуразрушенный, но в два часа ночи в тусклом свете луны это не бросалось в глаза. Все, на что падал взгляд, стояло крепко, неприступно: две круглые башни, между башнями арка, под аркой железные ворота, глухие и тяжелые, не отворявшиеся, наверно, лет триста. Или вообще никогда.

Раньше Дэнни не доводилось бывать в замках, да и в эти края его занесло впервые, но все кругом казалось смутно знакомым. Будто он уже это видел — не в жизни, так в книжке или во сне. Сверху на башнях зубцы, как на детском рисунке. Воздух по-осеннему холодный, с дымком, хотя в Нью-Йорке в середине августа народ еще ходил в майках. А тут с деревьев уже начали опадать листья: когда Дэнни шел, они мягко скользили по его волосам и шуршали под ногами. Сейчас он искал дверное кольцо, звонок, выключатель — не важно что, главное попасть внутрь или хо-

тя бы понять, как это делается. Но ничего не находилось, и Дэнни начал терять надежду.

Вечером он два часа проторчал на остановке в маленьком унылом городишке, втиснутом в ущелье между двумя грядами холмов: ждал хоть какого-нибудь завалящего автобуса, который бы подвез его до замка. Но автобуса не было. А потом Дэнни случайно поднял голову и увидел темный силуэт замка на фоне вечернего неба. Пришлось несколько километров pillar в гору пешком, волоча за собой чемодан — тяжеленный “самсонайт” на разболтанных колесиках — и спутниковую тарелку. Колесики вихляли, натывались на корни и булыжники, проваливались в кроличьи норы. А тут еще нога. И всю дорогу, от самого Нью-Йорка, с ним происходила какая-то несуровица. Ночной рейс, которым Дэнни должен был вылетать из аэропорта Кеннеди, в последний момент задержали: якобы в самолете обнаружилась бомба. Их оттащили на запасную полосу и окружили пожарными машинами с красными мигалками. Пассажиры начали было успокаиваться, но вскоре стало ясно, что задача пожарных — в случае чего не дать огню вырваться наружу, а судьба тех бедолаг, что оказались внутри, никого не волнует. В итоге Дэнни опоздал и на самолет до Праги, и на поезд до конечного пункта, то есть до этого самого городка с немецким названием — только находился он, кажется, не в Германии и вообще неизвестно где: в интернете Дэнни ничего похожего не отыс-

кал. А может, просто неправильно запомнил название. Он пытался выяснить детали по телефону, но владелец замка, его кузен Хоуи, который, собственно, и уговорил Дэнни помочь ему с реставрационными работами и оплатил дорогу, мало что успел сказать.

Дэнни: Я все-таки хочу уточнить: этот твой отель, он в Австрии, Германии, Чехии или где?

Хоуи: Честно говоря, я сам пока не разобрался. С этими границами у них тут черт ногу сломит.

Дэнни (растерянно): Ногу?..

Хоуи: Только ты имей в виду, у нас тут еще не совсем отель. Пока что это просто...

И разговор оборвался. Дэнни несколько раз пытался перезвонить — безуспешно.

Однако спустя неделю пришел конверт с целой пачкой билетов: самолет, поезд, автобус. Штемпель смазанный. Учитывая, что после небольшого недоразумения, случившегося в последний день его работы в ресторане, Дэнни стал безработным и вообще ему лучше всего было сейчас испариться из Нью-Йорка, — отказаться он не мог. Тут полетишь куда угодно, хоть к черту на рога, хоть на луну. Тем более если дорога уже оплачена.

Он и полетел. Но прилетел на пятнадцать часов позже.

Оставив свой “самсонайт” и антенну у ворот, Дэнни направился к левой башне. (Когда был выбор, он всегда сначала сворачивал налево, потому что ос-

тальные обычно шли направо.) Обогнул башню, двинулся вдоль крепостной стены, которая, плавно закругляясь, уводила куда-то в чашу. Вскоре кроны деревьев сомкнулись над ним, и стало совсем темно — пришлось пробираться ощупью. Время от времени что-то шмыгало в палой листве или над головой вдруг хлопали крылья. Деревья подступали все ближе к стене, но Дэнни продолжал протискиваться между стеной и стволами, боясь, что если отойдет в сторону, то тут же заблудится. Наконец забрезжила надежда: в одном месте дерево вросло в стену, кладка осыпалась, и можно было попробовать взобраться наверх.

Задача оказалась не из легких. Стена была высотой метров шесть, не меньше, камни крошились и сыпались из-под ног. Колено, пострадавшее во время недоразумения в ресторане, не желало сгибаться. Да и обувь у Дэнни была, мягко говоря, не для лазанья — стильные городские ботинки с узкими, слегка срезанными носами. Счастливые ботинки, как мысленно окрестил их Дэнни много лет назад, когда только купил. Подошвы на них давно пора было менять — они и по асфальту-то скользили, — и сейчас, карабкаясь по шестиметровой стене, цепляясь за камни и подволакивая больную ногу, Дэнни радовался лишь одному: что никто его при этом не видит. Потный и задыхающийся, он выбрался на самый верх, на ровную каменную дорожку, отряхнул штаны и выпрямился.

Бывают пейзажи, от которых любой смертный хоть на миг, но почувствует себя богом. Крепостная стена, растянувшаяся по вершине холма неправильным овалом размером с футбольное поле, серебрилась под луной; через каждые метров сорок—пятьдесят над ней возвышались круглые башни. Внизу под стеной гладью ночного озера разлилась абсолютная, космическая чернота. Над головой зримо выгибался небесный купол, по нему скользили рваные лиловые облачка. Собственно замок — горстка прилепившихся друг к другу строений и башенок — чернел за железными воротами, от которых Дэнни начал свой путь. Только одна квадратная башня, самая стройная и высокая, стояла отдельно, и ее верхнее окно светилось красным.

Дэнни стало легче, будто отпустило внутри. Когда-то давно, только-только перебравшись в Нью-Йорк, он вместе со своими друзьями искал название для тех отношений с миром, что они пытались строить. Слов в нормальном человеческом языке не хватало: *понимание, прозрение, знание, мудрость* — все было не то. Слишком легковесно или, наоборот, тяжеловесно. И тогда они придумали свое слово: *абс*, что-то вроде “абсолютно все”. Абс предполагал двусторонность отношений: ты понимаешь — тебя понимают, ты знаешь — тебя знают. На равных. Стоя сейчас на крепостной стене и озирая окрестности, Дэнни вдруг поймал знакомое ощущение: абс! Столько лет спустя это слово по-прежнему бы-

ло с ним, хотя друзей давно уже не осталось. А может, они просто повзрослели.

Жаль, что он не догадался затащить спутниковую тарелку с собой на стену. Ему страшно хотелось сделать несколько звонков, прямо сейчас. Желание было почти непреодолимым, физическим — как голод, как потребность немедленно рассмеяться или чихнуть. Не выдержав, Дэнни торопливо спустился, практически скатился со стены и начал пробираться обратно к воротам. Но пока он ломился сквозь чащу, абс улетучился, осталась лишь усталость. И еще грязь вперемешку со мхом под ногтями (Дэнни всегда носил длинные ногти). Поэтому он даже не стал расчехлять тарелку, а, выбрав под деревом место поровнее, подгрёб листья со всех сторон и принялся устраиваться на ночлег. Жизнь в Нью-Йорке не всегда баловала его, случалось пару раз спать и под открытым небом, но то было совсем другое. Стащив с себя вельветовую куртку, он вывернул ее наизнанку, скатал в валик и кинул под дерево вместо подушки. Потом улегся на ложе из листьев и скрестил руки на груди. Листья все сыпались на него сверху, их силуэты кружили меж полуголыми ветвями и лиловыми облачками. Веки стали тяжелеть. Дэнни пытался придумать, что он скажет Хоуи при встрече:

Сдается мне, тут не очень любят гостей...

Или:

Ага, значит, дорога оплачена, а насчет проживания мы не договаривались...

Или:

Тебе не приходило в голову вывесить на улице фонарь? Попробуй, вдруг понравится!..

Но это так, домашние заготовки, чтобы было что сказать, на случай если говорить будет нечего. Вообще Дэнни волновался перед встречей с кузенком. Хоуи-ребенка, которого он знал много лет назад, невозможно было представить взрослым. Тот Хоуи был по-девчачьи пухлый и грушевидный — джинсы, натянутые на толстый зад, едва сходились на нем. Всегда бледный, потный, с темными всклокоченными волосами. Лет в семь-восемь Дэнни и Хоуи придумали одну игру и играли в нее всякий раз, когда встречались на семейных сборищах или во время каникул. Она называлась “Карающий Зевс”, в ней был главный герой (Зевс), а также чудища, злодеи, секретные миссии, телепортации, шаровые молнии, беглецы и пого-ни. Играли где попало: в гараже, в старой разошедшейся лодке, под обеденным столом. В дело шли перышки, фантики, соломинки, салфетки, бечевки, марки, свечки, скрепки — все подряд. Придумывал почти всегда Хоуи. Он прикрывал глаза и замирал, будто на веках с внутренней стороны у него появлялся экран, на котором он смотрел кино и пересказывал его Дэнни: значит, так, Зевс стреляет светящимися пулями, и тогда кожа у них вспыхивает, он их видит между деревьями и — о-оп! — набрасывает электрошоковое лассо!

Иногда он заставлял говорить Дэнни. Так, теперь ты. Как выглядит подводная темница? — и Дэнни начинал перечислять детали: водоросли, подводные камни, корзинки, полные глазных яблок. Он так увлекался игрой, что начисто забывал, где он и кто он, и когда родители объявляли, что пора идти домой, ему делалось страшно, он бросался перед ними на пол и умолял: пожалуйста, пожалуйста, еще полчаса, еще двадцать минут, десять, пять!.. Ну еще только одну минуточку, пожалуйста-а-а!.. Мысль о том, что его сейчас вырвут из мира, который они с Хоуи только что создали, была невыносима.

Остальные кузены и кузины смотрели на Хоуи свысока: странный он какой-то, будто с приветом, вдобавок приемыш — и держались при нем с подчеркнутой прохладцей. Особенно Раф, который, хоть и не был самым старшим, но обладал непререкаемым авторитетом. Молодец, что ты играешь с Хоуи, говорила Дэнни мама. Я слышала, с ним никто не дружит, жалко его, да? Но Дэнни играл с Хоуи вовсе не из жалости. Мнение кузенов было для него, конечно, важно — и все же ничто не могло сравниться с тем блаженством, что дарил ему “Карающий Зевс”.

Когда они были подростками, Хоуи изменился. *В одночасье*, как говорила потом вся семья. Он получил *психотравму*, от которой его детская безмятежность ушла сразу и навсегда. Стал угрюмым и беспокойным, вечно покачивал ногой и бормотал себе под

нос тексты группы *King Crimson*. И всегда носил с собой блокнот. Даже на День благодарения блокнот лежал у него на коленях — прикрытый салфеткой, чтобы не за капать подливой. Время от времени Хоуи черкал в нем что-то огрызком карандаша, приглядываясь к родственникам и словно прикидывая, как и когда каждый из них умрет. Впрочем, внимания на него никто никогда не обращал. А после *психотравмы*, после происшедшей в нем перемены, Дэнни делал вид, что и он тоже не обращает.

Конечно, когда Хоуи рядом не было, родственники обсуждали его — еще как обсуждали. Хоуи и его очередные неприятности стали любимой семейной темой. Ах, как это печально, вздыхали тетушки, горестно качая головами, но сквозь вздохи и ахи прорывалась плохо скрытая радость. Хорошо все-таки, когда в семье кто-то один сидит по уши в дерьме: тогда все остальные рядом с ним автоматически оказываются образцами добродетели. До сих пор, стоило Дэнни закрыть глаза, до него долетали обрывки тех давних разговоров, как еле слышные голоса в эфире: *Хоуи... неприятности... наркотики... ты слышала его опять забрали в полицию... разве можно быть таким толстым почему Мей не посадит его на диету... что из того что он подросток у меня дети подростки у тебя дети подростки... Норман сам виноват зачем он так добивался этого усыновления никогда ведь не знаешь что получишь... теперь-то они поняли все от ге-*

нов один ребенок просто хороший другой просто плохой ну пусть не совсем плохой но ты же видишь: одни неприятности.

У Дэнни возникало странное чувство, когда он после футбола, в грязных бутсах, возвращался домой и слышал, как мать по телефону обсуждает Хоуи с очередной тетушкой. Дэнни со своей подружкой Шеннон Шенк проходил мимо кухни напрямик к себе в спальню. Шеннон была девочка из “группы поддержки” (они выбегали на поле в перерывах матча, размахивали своими помпонами), и у нее были самые классные сиськи из всей “поддержки”, если не из всей школы. Всякий раз, когда команда Дэнни выигрывала — что, к счастью, случалось нередко, — Шеннон радостно шла с ним и делала ему роскошный минет. *Привет-привет, мам.* Темно-лиловый квадрат вечернего неба в кухонном окне, запах маминой запеканки с тунцом. Черт, от этих воспоминаний у Дэнни защемило внутри. Но приятнее всего были разговоры про Хоуи, ведь они напоминали ему о том, что он сам, Дэнни Кинг, — *ах какой славный мальчик!* Так говорили все, каждый раз одно и то же, но все равно Дэнни готов был слушать это снова и снова.

Таково было воспоминание номер один. Когда оно нахлынуло, Дэнни уже проваливался в сон, но тут все его мышцы напряглись, спать расхотелось. Лежать дальше не имело смысла. Он встал, отряхнул штаны от лесной трухи. Настроение испортилось. Вспомни-

нать, считал Дэнни, все равно что пятиться назад, действие ущербное и бессмысленное при любом раскладе. А уж там, куда ты летел, ехал и тащился целые сутки, — полный маразм.

Встряхнув куртку, Дэнни снова натянул ее на себя и быстрым шагом пошел вдоль стены, на этот раз направо. Сначала кругом был лес, но постепенно он начал редеть, а склон под ногами стал круче. Приходилось спускаться осторожно, переноса всю тяжесть тела на больное колено, и каждый шаг острой болью отдавался в паху. Склон кончился внезапно, будто его обрезали ножом, — Дэнни едва успел затормозить на краю утеса. Крепостная стена высилась прямо над обрывом, утес и стена составляли единую устремленную к небу вертикаль. Дэнни всмотрелся. Где-то далеко внизу темнели кроны деревьев, а еще дальше, в самой сердцевине ущелья, мерцали огоньки: вероятно, тот самый городок, в котором он проторчал весь вечер в ожидании автобуса.

Абс: вот он, край земли. Предел всего. Ну и отлично, как раз то, что надо.

Эй, на твоём месте я бы сначала собрал с народа деньги, а потом бы уже вел в пещеру.

Дэнни перевел взгляд наверх. Звезд на небе не осталось, все заволокли облака. С этой стороны крепостная стена была заметно выше. Она сбегала по склону, но над самым обрывом плавно заворачивала и снова взбиралась к вершине. Через каждые несколько

метров в каменной кладке на высоте в полтора-два человеческих роста темнели прорези бойниц. Возле одной из них Дэнни задрал голову и присмотрелся внимательнее. Бойница была крестообразная, в месте пересечения вертикальной и горизонтальной прорезей достаточно широкая: видно, дождь, снег и прочая непогода несколько столетий скругляли каменные углы. Кстати, о дожде: как раз начинало моросить. Изморось была совсем легкая, не плотнее тумана, но Дэнни знал, что стоит его волосам чуть-чуть подмокнуть, как они встанут дыбом, и тогда их черта с два уложишь без фена и специальной пены. Фен и пена покоились сейчас на дне “самсонайта”, а являться к Хоуи со вздыбленными патлами не хотелось. Короче, пора было укрываться от дождя. Дэнни покрепче ухватился за торчащий из стены камень и, цепляясь худыми пальцами за выступы и нащупывая зацепки носками ботинок, начал карабкаться наверх. Вскарabкавшись, просунул голову в бойницу — проверить, проходит или нет. Прошла голова, а за ней и плечи, самая широкая его часть, он только слегка повернул их, как ключ в замке, — а остальное проскользнуло уже само. Конечно, нормальному взрослому человеку такие фокусы противопоказаны, но Дэнни был устроен по-особому: гибкий и пластичный, он мог, когда требовалось, свернуться чуть ли не в трубочку, а потом опять развернуться. И сейчас, без особого труда протиснувшись в крестообразную щель, он выпал из

нее на каменный пол слегка взмокшим, но целым и невредимым.

В помещении, где он оказался, было гулко, стояла крошечная темень и пахло пещерой. Дэнни не любил этот запах. Шагнув вперед, он тут же стукнулся лбом о низкий потолок. Попытался идти на полусогнутых ногах, но колено отозвалось острой болью. Он остановился и, медленно выпрямившись, стал вслушиваться в неясные шорохи. Внутри шевельнулся страх, и что-то тяжело заворочалось в животе, будто там выкручивали мокрое белье. Но тут Дэнни вспомнил, что у него с собой должен быть брелок-фонарик, оставшийся от тех времен, когда он работал в ночном клубе в Нью-Йорке: иногда приходилось светить человеку в зрачки, чтобы разобраться, что он там принял — экстази, героин или кетамин. Дэнни щелкнул фонариком и направил узкий луч в темноту. Похоже на подвал. Каменные стены, пол тоже каменный, сырой и скользкий. У стены качнулась какая-то тень. Дыхание у Дэнни участилось, но он старался привести его в норму. Страх, считал он, таит в себе опасность. Страх впускает *червя* — еще одно слово, придуманное в те дни, когда Дэнни с друзьями курили траву, нюхали кокаин и размышляли о том, что происходит с человеком, когда он теряет себя и начинает смотреть на всех нервно, дико и затравленно. Как это называется — *паранойя*? *Заниженная самооценка*? *Повышенная тревожность*? *Отчаяние*? Но все эти слова казались

слишком плоскими и абстрактными. Нужное слово наконец нашлось: *червь*. Червь конкретен и трехмерен, он заползает внутрь и начинает пожирать человеческую жизнь, и жрет и жрет до тех пор, пока от человека не останется одна пустая оболочка, и тогда человек возвращается домой, к родным. Или его забирают в лечебницу Беллвью. Или он прыгает вниз с Манхэттенского моста, как одна их знакомая.

Но он снова бессмысленно пытался назад — зачем? Дэнни вытащил из кармана сотовый телефон. И хотя связи не было, все же дисплей осветился, начался поиск сети, и Дэнни сразу стало легче — словно в руках у него был не телефон, а *стабилизатор силового поля*, оставшийся от времен “Карающего Зевса”. Конечно, сейчас телефон не мог поймать сеть, но для Дэнни важнее было “поймать сеть” самому: именно его собственная подключенность к общей сети поддерживала его в длинных перегонах подземки и в глубине больших зданий, где сотовые не берут. У него насчитывалось сто восемьдесят человек в списке друзей и еще триста четыре в списке постоянных интернет-контактов. Вот почему специально для этой поездки он взял напрокат спутниковую антенну. Он намутился с ней в дороге, из-за нее охранники в аэропорту вымотали ему всю душу, но зато он знал, что тарелка обеспечит ему телефонную связь и беспроводной интернет в любой точке земного шара. Без этого Дэнни не мог. Его мозг отказывался пребывать в ограничен-

ном объеме черепной коробки, а желал простирается на тысячи миль за ее пределы, устанавливая контакты с тысячей абонентов. Дэнни, конечно, понимал, что никому из этой тысячи нет до него никакого дела; но когда его мозг маялся взаперти, не имея выхода в окружающее пространство, давление внутри черепа начинало неуклонно расти.

Он снова двинулся вперед, на этот раз держа в одной руке телефон, а другой обшаривая пространство над головой, чтобы опять не стукнуться. Помещение походило на темницу, но Дэнни смутно припоминал, что в старинных замках темницы обычно располагались в башнях. Наверно, местная темница была в глубине той квадратной башни с освещенным окном, что он видел со стены. А тут, скорее всего, бывший канализационный отстойник.

Фу, какая вонища! Кажется, мать-земля забыла рот прополоскать.

Но этот голос принадлежал не Дэнни, а Хоуи, — это уже из следующего воспоминания, которое в этот момент как раз наплывало на Дэнни. Я говорю об этом вот так, прямо в лоб, потому что не представляю, как можно исхитриться плавно и незаметно погружать его в каждое такое воспоминание и незаметно же выводить потом обратно. Раф шел впереди, с фонарем. За ним Хоуи. Дэнни шел последним. Все трое старались держаться развязно: Хоуи потому, что его кузены, убегая тайком с семейного пикника, приняли его в свою

компанию; Дэнни потому, что быть соучастником любой из проказ Рафа — удовольствие, с которым ничто не сравнится; а Раф... Впрочем, с Рафом интереснее всего было то, что никогда не знаешь, что у него и почему.

Давай покажем Хоуи пещеру.

Раф сказал это вполголоса, искоса поглядывая на Дэнни из-под длинных ресниц. И Дэнни сразу же согласился, догадываясь, что будет что-то еще.

Хоуи споткнулся в темноте. Под мышкой у него был зажат блокнот. Они с Дэнни уже больше года не играли в “Карающего Зевса”. Все закончилось без объяснений, просто однажды в сочельник Дэнни отвернулся от Хоуи и пошел играть с другими кузенами. Пару раз Хоуи пытался поймать его взгляд и что-то сказать, но быстро отступился.

Дэнни: Хоуи, тебе блокнот не мешает?

Хоуи: Мешает, но он мне нужен.

Зачем?

Записывать — вдруг в голову придет какая-то мысль.

Раф развернулся и посветил фонариком прямо ему в глаза. Хоуи зажмурился.

Раф: Что за мысль, ты это про что?

Про “Т и Д”. Я — Хозяин темницы.

Раф (отводя фонарик от Хоуи): И с кем ты играешь?

С друзьями.

Дэнни тащился сзади, как оглушенный. “Т и Д” — то есть “Темницы и драконы”? “Карающий Зевс” до сих пор не выветрился из него, каждая его клеточка с тоской вспоминала ощущение растворенности в этой игре. Значит, игра не прекратилась. Она продолжалась, только без него.

Раф: Вот как? У тебя есть друзья?

А ты мне разве не друг, Раф? — сказал Хоуи и сам рассмеялся первым.

Они тоже рассмеялись. Всем было ясно, что Хоуи пошутил.

Раф: Смотри-ка, он у нас еще и шутник.

Может, уже хватит? — подумал тогда Дэнни. Довольно того, что они забрались в заколоченную досками пещеру, куда вход строго воспрещен. И хорошо бы больше ничего не случилось. Дэнни желал этого всей душой.

Пещера была устроена так: сначала большой круглый зал, где еще удавалось что-то разглядеть, потому что от входа падал свет; потом низкий коридор, по которому, нагнувшись, можно было перейти во второй, темный зал; оттуда (ползком, через узкий лаз) в третий — там был колодец. Круглый, не больше двух метров в диаметре. Но очень глубокий. А что было дальше, Дэнни понятия не имел.

При виде колодца все трое затихли. Вода в нем была зеленая, прозрачная, от фонаря на ее поверхности и на стенах пещеры дрожали молочно-белые блики.

Хоуи: Ого, народ! Ни фиги себе.

Открыв блокнот, он что-то в нем нацарапал.

Дэнни: У тебя и карандаш с собой?

Хоуи показал ему зеленый карандашик, какие выдают клиентам загородных клубов, когда надо подписать счет. Я раньше носил ручки, сказал он, но из-за них у меня вечно штаны были в разводах.

Раф рассмеялся, а Хоуи пару раз хмыкнул и умолк, будто ему не полагалось смеяться наравне с Рафом.

Дэнни: И что же ты там написал?

Хоуи обернулся. А что?

Ничего. Просто интересно.

Я написал: *зеленый колодец*.

Раф: Это, по-твоему, называется мысль?

Все молчали, но Дэнни чувствовал, как в пещере нарастает напряжение, словно кто-то задал ему вопрос и до смерти хочет услышать ответ. Ну, то есть не кто-то, а Раф. Но спрашивать, почему Раф имел такую власть над Дэнни, — все равно что пытаться выяснить, почему светит солнце или почему растет трава. Просто есть люди, которые умеют заставить других людей делать то, что им нужно. Они могут даже ни о чем не просить. Могут и сами не знать, что им нужно.

Дэнни подошел к воде. Хоуи, сказал он, посмотри, что это там такое блестит. Вон там, на дне, видишь?

Хоуи шагнул вперед. Где? Не вижу.

Да вон же, внизу.

Дэнни опустил на корточки на краю колодца. Хоуи тоже присел и стал всматриваться, слегка покачиваясь на носках.

Дэнни положил руку ему на спину и сквозь тонкую футболку ощутил, какое у него мягкое, горячее тело. Возможно, раньше он ни разу не дотрагивался до своего кузена. А может, он только сейчас осознал, что Хоуи — такой же человек, как и он, с мозгами, сердцем и всем прочим. Локоть Хоуи плотнее прижался к боку. Листки блокнота задрожали, и Дэнни понял, что Хоуи чувствует нависшую опасность, что он боится. Или он догадывался обо всем с самого начала? Но в тот момент он обернулся к Дэнни с бесконечным доверием в глазах, будто знал, что Дэнни его защитит. И что они понимают друг друга без слов. Все произошло гораздо быстрее, чем я сейчас об этом рассказываю: Хоуи взглянул на Дэнни, а Дэнни закрыл глаза и толкнул его в колодец. Нет, еще быстрее. Взглянул. Закрыл. Толкнул.

Или просто: толкнул.

Руки и ноги Хоуи вскинулись — падая, он еще пытался ухватиться за что-то, но ни звука, ни всплеска Дэнни после припомнить не мог. Наверно, Хоуи кричал, но криков Дэнни тоже не помнил. Только тяжелое дыхание, свое и Рафа, когда они, толкаясь, ползли через узкий лаз, потом без оглядки бежали к выходу — луч фонарика метался по стене, — на волю, в теплый порывистый ветер, вниз по склону, и

снова вниз, обратно на поляну (где их отсутствия никто не заметил), и еще был, кажется, какой-то пылающий обруч, который висел над ними, не отпуская их с Рафом друг от друга. О случившемся они заговорили лишь спустя несколько часов, когда пикник уже сворачивался.

Дэнни: Слушай, фигово... Как думаешь, где он сейчас может быть?

Раф: Да где угодно. Хоть прямо под нами.

Дэнни уставился в траву. То есть как — под нами?

Раф смотрел на него, усмехаясь. Ну, мы же не знаем, в какую сторону он пошел.

К тому времени когда все спохватились и, выстроившись в цепочку, начали прочесывать окрестные холмы, в голове у Дэнни не осталось никаких мыслей, только сменяющие друг друга картинки бесконечных подземных коридоров и переходов, по которым Хоуи сейчас пробирался все дальше от входа в пещеру, вглубь, вниз. Родственники не слишком волновались, все были уверены, что Хоуи просто отошел в сторону и заплутал. Найдется. Да и все равно он странный какой-то мальчик, к тому же толстый и неродной — и его, Дэнни, уж точно никто ни в чем винить не собирался. Только у тети Мей лицо было насмерть перепуганное, Дэнни никогда раньше не видел, чтобы у взрослого человека было такое лицо; она беспомощно теребила ворот платья, будто уже не чаяла увидеть своего мальчика, своего любимого и единственного, — и,

понимая, что все зашло слишком далеко, Дэнни тем более не мог сказать того, что должен был сказать: *Это мы с Рафом. Мы завели его в пещеру и бросили там.* Не мог, потому что от этих нескольких слов все бы перевернулось: все бы узнали, что он наделал, а Раф узнал бы, что он проболтался, — и что тогда? Это Дэнни даже не пытался себе представить. И он молчал, оттягивая признание — секунду, другую, третью, — и с каждой секундой какое-то безжалостное острое входило в него все глубже. Стемнело. Отец положил руку ему на голову (*какой славный мальчик!*) и сказал: Пойдем, сынок, тут без нас есть кому искать. У тебя завтра игра.

В машине на обратном пути Дэнни никак не мог согреться. Он натягивал на себя плед, затаскивал собаку к себе на колени, но зубы стучали так, что его сестра всю дорогу недовольно фыркала, а мама сказала: Ты, кажется, заболелаешь, милый. Ничего, дома я приготавливаю тебе горячую ванну.

Дэнни несколько раз тайком приходил к заколоченному входу в пещеру и вслушивался. Сквозь шорох сухой травы ему чудился слабый молящий голос Хоуи, доносившийся из-под земли: *Не надо!.. Пожалуйста!.. Спаси меня!..* Значит, сегодня, думал тогда Дэнни. Да, сегодня! Ему делалось удивительно легко и хорошо при мысли о том, что сегодня он наконец-то произ-

несет слова, застрявшие внутри: *Хоуи в пещере; мы с Рафом бросили его в пещере*. От головокружительной легкости он едва не терял сознание, и одновременно все кругом как будто смещалось, небо и земля менялись местами, и перед ним открывалась иная жизнь, иное будущее, легкое, чистое и — теперь он это понимал — потерянное для него навсегда.

Но было уже слишком поздно. Теперь уже точно поздно. Хоуи нашли в пещере через три дня, в полубессознательном состоянии. Каждый вечер Дэнни ждал, что вот сейчас раздастся стук в дверь и войдет отец, и лихорадочно твердил про себя слова оправдания: *Это все Раф, я же еще маленький*. Слова сцеплялись и ездили по кругу, как склеенная кольцом магнитофонная лента: *это Раф я же еще маленький... это Раф я же еще маленький...* Лента продолжала крутиться, даже когда он делал уроки, или смотрел телевизор, или сидел в сортире (*это Раф я же еще маленький*), и казалось, что теперь все в его жизни служит одной-единственной цели — доказать, что он все тот же Дэнни Кинг, что и раньше. *Вот, смотрите, я забил гол! Смотрите, сколько у меня друзей!* Но все же он был не совсем тот же, потому что теперь какая-то часть его всегда оставалась снаружи, словно наблюдая со стороны: верят ли? Верили.

А потом, когда прошло много месяцев, а обман так и не вскрылся, он и сам начал верить. Простые нормальные вещи, происходившие, как и раньше, в его

жизни, наслаивались друг на друга, образуя защитную корку над тем днем. Корка росла, становилась все толще, и в конце концов Дэнни почти перестал думать о том, что под ней скрывается.

Когда Хоуи стало лучше, когда он смог находиться в комнате один, без матери, когда научился снова спать с выключенным светом, он переменялся. После *психотравмы* из его жизни ушла безмятежность. Зато появились наркотики. Однажды он купил пистолет и попытался ограбить круглосуточный магазинчик при заправке — и его забрали в исправительную школу.

Через три года погиб Раф (разбился в своем пикапе по дороге в Мичиган, вместе с двумя одноклассниками), и семейные пикники прекратились. А когда начались снова, Дэнни уже не жил с родителями.

Так выглядело воспоминание номер два.

Но возвращаемся к Дэнни, который, вытянув одну руку над головой, а в другой держа включенный телефон, шел по подвалу, или темнице, или бывшему канализационному отстойнику замка, принадлежавшего Хоуи. Он прилетел на другой конец света к своему кузену главным образом из практических соображений: надо было как-то зарабатывать на жизнь, и надо было исчезнуть из Нью-Йорка. Но не только. Не последнюю роль играло любопытство. Дело в том, что все эти годы хорошо отлаженная вещательная машина под

названием “семья” регулярно доставляла ему обрывки новостей о Хоуи:

1. биржа, брокерство;
2. Чикаго;
3. несметные деньги;
4. женитьба, дети;
5. в тридцать четыре — отход от дел.

Каждый раз, когда очередная такая весть долетала до Дэнни, он думал: вот и славно. Значит, у него все сложилось. Вот и прекрасно! И тут же накатывала волна огромного облегчения, а следом за ней — другая, тоже огромная; и тогда, где бы он ни находился, он застывал на месте и долго смотрел в одну точку. Что-то не сложилось у него, Дэнни. Что-то не случилось из того, что должно было случиться. Или случилось не то и не так. Или случилось слишком много мелких событий вместо одного большого — или, наоборот, недостаточно мелких, чтобы хватило на одно большое.

Короче, Дэнни не знал, зачем он прилетел сюда, в замок Хоуи, с другого конца света. А зачем я записался на эти уроки словесности? Сначала я думал: чтобы избавиться от Дэвиса, с которым мы сидим в одной камере. Но в последнее время мне начинает казаться, что была и другая причина.

Я? Откуда взялся еще какой-то “я”? Наверняка кто-то уже собрался об этом спросить. Отвечаю.

“Я” — это тот, кто говорит, рассказчик. У всякой истории есть свой рассказчик, просто мы не всегда задумываемся, кто он и что им движет. Так говорит Холли, моя учительница.

Сперва мне было плевать на нее и на ее занятия. Ко второму уроку я сочинил рассказ про то, как парень трахает свою учительницу словесности в подсобке. В самый интересный момент дверь распахивается, все метлы, швабры и ведра с грохотом вываливаются в классную комнату, яркий свет падает на голые задницы, и парочку с позором выволакивают из темноты. Пока я читал, все гоготали, но когда мой рассказ закончился, стало тихо.

Так, говорит Холли. У кого какие замечания?

Замечаний нет.

Ну что же вы, смелее. Наше дело — помочь Рею довести его работу до совершенства. Что-то мне подсказывает, что это еще не совершенство. Что он может еще лучше.

Снова тихо.

Тогда говорю я: Это была просто шутка.

Что-то никто не смеется, говорит она.

Я: Сейчас — нет. Но смеялись же, пока я читал.

Значит, шутка. А вы, стало быть, шут?

Какого рожна? — думаю я. Она смотрит прямо на меня, а я не могу заставить себя взглянуть ей в лицо.

Так что, господа, Рей у нас шут? Ну, шут так шут. Все согласны, возражений нет. Ведь нет?

Они начинают бормотать: *Как она его... Ну а ты, Рей? Что скажешь?* Они ждут, когда я психану, потому что не могу же я не психануть. И я психую, хоть и молча, но дело не в этом.

Вон дверь, говорит она и указывает на дверь. В нее можно выйти, что ж вы не выходите? А, Рей?

Я не трогаюсь с места. Выйти можно, конечно. Но тогда придется торчать в коридоре и ждать, пока кончится урок.

А есть еще ворота — вон там. Она указывает в окно. Ворота вечером ярко освещены, поверху увиты колючкой. Сбоку снайпер на вышке.

И у вашей камеры тоже есть дверь, говорит она. И у секции. И у душевой. И есть еще дверь столовой, и дверь комнаты свиданий. Скажите, господа, часто вы открываете эти двери — не кто-то другой, а вы сами? Вот о чем я хотела вас спросить.

Что в тюрьме ей раньше работать не приходилось, я понял сразу, в первую же минуту, как только ее увидел. Не по каким-то внешним признакам — тут как раз все ясно: уже не девочка, и жизнь не всегда гладила ее по головке. Но у тюремных учителей внутри и снаружи давно все задубело. А у нее нет. Вот и сейчас — объясняет нам про двери, а сама страшно волнуется, и каждое слово будто обдуманно заранее по сто раз. Но главное, она права. Оказавшись в последний раз на воле, я как дурак стоял перед очередной дверью и ждал, пока кто-нибудь ее для

меня откроет. Просто не мог вспомнить, как это делается.

Я здесь для того, говорит она, чтобы показать вам дверь, которую каждый из вас сможет открыть сам, — и стучит себя пальцем по лбу. И дверь эта ведет туда, куда вы хотите попасть. Вот зачем я здесь. А если вам это не интересно, то будьте добры, избавьте нас от своего присутствия. Потому что нам оплачивают обучение только десяти человек. И у нас всего одно занятие в неделю, так что я не собираюсь тратить его на идиотские препирательства.

Она подходит к моему столу и смотрит прямо на меня. Я поднимаю глаза и смотрю на нее. Я хочу сказать: слышал я всякие призывные речи на своем веку, но дверь в черепную коробку — это неслабо. До такого еще надо додуматься. Но я молчу, потому что, пока она говорила, что-то больно дернулось у меня в груди.

Можете подождать в коридоре, предлагает она. Минут через десять мы закончим.

Пожалуй, я останусь.

Мы продолжаем смотреть друг на друга.

Хорошо, говорит она.

Так что когда Дэнни наконец разглядел в своем подвале полоску света и понял, что свет этот выбивается из-под двери, и когда сердце дернулось у него в груди и он шагнул вперед, толкнул дверь и оказался на

винтовой лестнице, посреди освещенного лестничного колодца, — я понимаю, как он себя чувствовал. Не потому, что я это он, а он это я, это как раз чушь собачья, так не бывает. Я понимаю его потому, что пока Холли говорила мне про дверь и стучала себя по лбу, со мной что-то произошло. Никакой двери вроде бы не было, точнее, она была ненастоящая. Просто фигура речи, слово, звук: *дверь*. Но все же я открыл ее и вышел.